

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 238–243

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 238–243

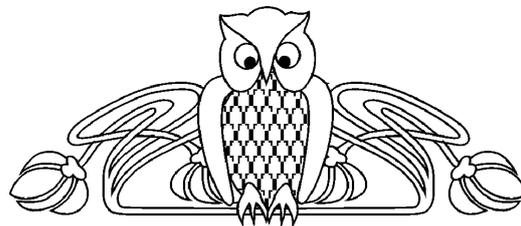
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-238-243>, EDN: SNOHRO

Научная статья

УДК [551.58:327](470+571+100)|19/20|

Глобальное потепление: подходы России и реакция Запада

Ю. Г. Голуб[✉], С. Ю. Шенин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Голуб Юрий Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России, goloub@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9819-7494>. Author ID: 299696

Шенин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, shenins@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4503-5923>. Author ID: 71950

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса эволюции отечественной климатической политики с момента ее возникновения в СССР в 1960–1970-е гг. и до окончания активной фазы сотрудничества Москвы с западными странами в этой сфере в конце 2021 г. Рассматриваются основные этапы климатической политики, факторы ее эволюции и влияние на российскую экономику глобального потепления. Формулируется вывод о том, что сотрудничество Российской Федерации с западными странами в вопросе изменения климата строилось на прочном фундаменте, который может стать основой для будущего диалога.

Ключевые слова: М. И. Бudyko, климатическая политика, глобальное потепление, США, Россия, В. Путин, Киотский протокол, Дж. Байден

Для цитирования: Голуб Ю. Г., Шенин С. Ю. Глобальное потепление: подходы России и реакция Запада // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 238–243. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-238-243>, EDN: SNOHRO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Global warming: Russia's approaches and the West's reaction

Yu. G. Golub[✉], S. Yu. Shenin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yury G. Golub, goloub@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9819-7494>, Author ID: 299696

Sergey Yu. Shenin, shenins@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4503-5923>, Author ID: 71950

Abstract. The article is devoted to the study of the evolution of the national climate policy from the moment of its emergence in the USSR in the 1960s and 1970s until the end of the active phase of cooperation between Moscow and Western countries in this area at the end of 2021. The main stages of climate policy, factors of evolution and impact on the Russian economy are considered. It is concluded that the cooperation of the Russian Federation with Western countries on the issue of global warming was built on a solid foundation, which can become the basis for future dialogue.

Keywords: M. I. Budyko, climate policy, global warming, USA, Russia, V. Putin, Kyoto Protocol, J. Biden

For citation: Golub Yu. G., Shenin S. Yu. Global warming: Russia's approaches and the West's reaction. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 238–243 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-238-243>, EDN: SNOHRO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Противостояние между Россией и коллективным Западом охватывает сегодня почти все сферы международных отношений и перспективы их улучшений практически не просматриваются [1]. Тем не менее в этих отношениях остается один сегмент, который может стать отправной точкой для налаживания диалога, – это совместное реагирование на изменение климата. В силу этого изучение степени заинтересованности сторон в поддержании климатического

взаимодействия является важной исследовательской задачей. Поскольку отношение западных стран к проблеме глобального потепления освещена в научной литературе достаточно широко¹, главная задача данной статьи заключается в более четком выявлении официальной позиции Российской Федерации.

Говоря о российском отношении к проблеме изменения климата, многие ученые, в том числе западные, указывают на то, что еще в 1960–

1970-х гг. исключительную роль в формировании современных научных взглядов на проблему антропогенного влияния на земную атмосферу сыграли исследования советского климатолога М. И. Будыко, который представил новую теорию глобального потепления. Он был первым, кто решился предупредить население Земли о неизбежности всеобщего изменения климата в результате хозяйственной деятельности человека. Советский ученый утверждал, что в течение ближайших 100 лет произойдет существенное повышение температуры воздуха, что приведет к таянию ледяного покрова Северного Ледовитого океана уже к 2050 г. с тяжелыми последствиями для многих стран [2, 3].

Поначалу ученые сообщества и в СССР, и на Западе весьма скептически отнеслись к идеям советского исследователя. Однако уже во второй половине 1970-х гг. они неожиданно привлекли внимание американских политиков, которые, в свою очередь, подтолкнули новые масштабные исследования климатических процессов. Так, в США президент Дж. Картер обратил пристальное внимание на теорию антропогенного потепления, поскольку, как представляется, она, наряду с защитой прав человека, могла стать эффективным инструментом давления на суверенные страны. Президенты Р. Рейган и Дж. Буш-старший последовательно продолжали формирование этого направления глобальной политики [4]. В результате к концу 1980-х гг. среди климатологов сложился широкий консенсус относительно существенного вклада человека в продолжающееся глобальное потепление. Реакцией на этот консенсус стало принятие в 1992 г. в Рио-де-Жанейро Рамочной конвенции ООН об изменении климата.

В целом западные ученые признают, что СССР являлся одним из лидеров мирового климатического движения, а в 1990-е гг. постсоветская Россия продолжала двигаться в том же направлении, активно участвуя во всех важнейших климатических мероприятиях (конференции ООН, Киотский протокол и др.). Президент Б. Н. Ельцин утверждал, что «экономическая политика государства должна, наконец, всерьез считаться с экологическими ограничителями» [5].

В конце 1990-х гг. в России при финансовой поддержке Агентства по охране окружающей среды США и Всемирного фонда дикой природы (WWF) для внедрения международных руководящих принципов инвентаризации выбросов парниковых газов, разработанных Межправительственной группой экспертов по изменению климата (МГЭИК), были предприняты первые попытки запустить региональные программы по смягчению последствий изменения климата. Для этого эксперимента были выбраны Новгородская, Челябинская, Архангельская, Сахалинская области и Хакасия, которые за несколько лет успешно завершили инвентаризацию [6].

Однако в начале XXI в. этот тренд в России стал притормаживаться. Западные исследователи связывают это прежде всего со сменой власти в стране, поскольку с самого начала своего президентства В. Путин демонстрировал определенные сомнения относительно возможности активно бороться с изменением климата и считал, что Россия только выиграет от грядущих изменений. При этом широко цитируется его шутовское высказывание, сделанное в 2003 г., о том, что в случае глобального потепления [мы] «меньше будем тратить денег на шубы... и урожай зерновых у нас повышается, и дальше будет повышаться» [5].

В этом же контексте на Западе часто вспоминают негативную реакцию Российской академии наук на Киотский протокол. Отечественные ученые утверждали, что он «не имеет научного обоснования», «неэффективен» и «означает существенное юридическое ограничение темпов роста российского ВВП» [7]. И хотя в 2004 г. Россия ратифицировала Киотские решения, тем самым активировав действие данного соглашения, но только в надежде на доходы от торговли углеродными квотами. Правда, эти надежды в целом не оправдались [8].

Изначально в рамках Киотского протокола целевой показатель Российской Федерации по выбросам парниковых газов на период 2008–2012 гг. составлял 0% по сравнению с базовым 1990 г. Поэтому часто утверждается, что Киотское соглашение не привело к сокращению выбросов в России из-за значительного снижения темпов экономического роста в предыдущий период. Тем не менее российская сторона заявила о перевыполнении своих обязательств по Киотскому протоколу, приводя данные об уменьшении выбросов в энергетическом секторе России за последние 20 лет на 37% [9].

Еще одним случаем, характеризующим климатическую позицию президента Путина, стал эпизод на саммите G8 в 2007 г., когда шесть стран «большой восьмерки» пришли к согласию о необходимости сократить к 2050 г. глобальную эмиссию CO₂ по крайней мере в 2 раза. Россия вместе с США не поддержала это предложение [10].

Более пристально проблема изменения климата стала рассматриваться в России в период президентства Д. Медведева (2008–2012 гг.). В 2009 г. накануне конференции в Копенгагене (КС 15) российское правительство, возглавляемое В. Путиным, приняло так называемую «Климатическую доктрину» [11]. Несмотря на энергичную риторику, в целом этот документ подтвердил предыдущую климатическую политику Кремля, поскольку в ней не было сделано особого акцента на сокращении выбросов, как того требовали Запад и киотские договоренности. Доктрина фокусировалась на необходимости повышать энергоэффективность экономики

и минимизации возможных последствий от изменения климата, т. е. не на предотвращении изменений, а на адаптации к ним. Там же выражалось опасение, что «если участники конференции в Копенгагене пойдут по пути ограничений – это будет своеобразным налогом на российскую энергетику, на производство нефти, газа и угля» [12].

В тот же период председатель правительства РФ В. Путин продолжал публично придерживаться своей предыдущей линии. Так, во время поездки в Арктику в 2010 г. он заявил, что люди, возможно, не несут ответственности за изменение климата, поэтому не стоит пытаться предотвратить потепление, затрачивая на это драгоценные ресурсы и затормаживая экономический рост, а следует адаптироваться к изменениям [13].

После возвращения В. Путина в Кремль в 2012 г. российская климатическая повестка продолжала двигаться в том же направлении и тем же темпом. Самым заметным шагом в этот период стал Указ Президента «О сокращении выбросов парниковых газов», принятый в 2013 г. Документ устанавливал национальные целевые показатели по сокращению выбросов парниковых газов до уровня 75% к 2020 г. по сравнению с уровнем 1990 г. [14]. Однако этот целевой показатель подвергся резкой критике со стороны западных экспертов, поскольку уровень выбросов в России в 2012 г. составил 68,2% от уровня 1990 г., что оставляло возможность увеличить выбросы в случае активизации экономического роста [15].

Тем не менее, по оценкам американских исследователей, перед Парижской конференцией Российская Федерация «меняет тон». В декабре 2015 г. Президент РФ признал, что «изменение климата стало одной из самых серьезных проблем, с которыми сталкивается человечество», а затем пообещал, что Россия возьмет на себя роль лидера в борьбе с глобальным потеплением. При этом В. Путин отметил, что Российская Федерация в соответствии с Киотским протоколом уже сократила выбросы CO₂ на 40 млрд т по сравнению с 1990 г., и обещал к 2030 г. снизить выбросы до 70% от уровня 1990 г. [16].

Хотя на Западе отметили «изменившуюся риторику» Москвы, ее реальное отношение к переговорам в Париже характеризовалось в лучшем случае как «прохладное», «несерьезное». Кремль обвиняли «в игре цифрами»: его обещание сократить выбросы на 70% к 2030 г. фактически означало возможность увеличить их на 40% от уровня 2012 г., поскольку за точку отсчета по-прежнему брался пиковый уровень СССР 1990 г., рухнувший за последовавшие годы деиндустриализации [8].

Правда, некоторые «сочувствующие» наблюдатели на Западе считали, что, наоборот, Кремль к 2015 г. сделал достаточно много на климатическом фронте. Так, была создана

система мониторинга и отчетности о выбросах парниковых газов, а также разработан проект закона, разрешающего регулирование выбросов. Это означало, что Москва создает необходимые условия для сокращения генерирования CO₂ в своей стране. Более того, предыдущая «скептическая позиция» Путина объяснялась тем, что он «хороший переговорщик» и в преддверии Парижа (а ранее из-за вступления в ВТО) не хотел быть «амбициознее», чем те страны (например, США, Китай и Индия), которые так и не ратифицировали Киотский протокол. «Позиция Путина – это осторожность» [8].

Однако и после Парижской конференции Кремль продолжил сомневаться в прямом влиянии человеческой активности на изменение климата. В 2018 г. В. Путин утверждал, что так называемые антропогенные выбросы, скорее всего, не основная причина потепления. Главной причиной «могут быть изменения глобального характера, космические изменения, сдвиги какие-то, невидимые для нас, в галактике, и всё, мы даже не понимаем, что происходит» [17].

Тем не менее председатель правительства Д. Медведев официально подписал Парижское соглашение в сентябре 2019 г., т. е. через 4 года после того, как оно было принято путем достижения консенсуса. Президент поручил правительству реализовать парижские обязательства, но только в том случае, если они будут «сбалансированы с экономическим развитием», т. е. не будут его тормозить. В январе 2020 г. Медведев утвердил национальный план адаптации к изменению климата до 2022 г., правда, этот план был «утрачен» в результате перестановок в правительстве в том же месяце.

Первые шаги нового кабинета во главе с М. Мишустиным на климатическом треке разочаровали западных наблюдателей. Последние отмечали, что обнародованный 23 марта 2020 г. Министерством экономического развития России «Стратегии долгосрочного развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» [18] продолжил движение в указанном выше русле. Фактически он предусматривал увеличение (а не снижение) целевых показателей выбросов углерода на 28–52% к 2030 г. и до 80% к 2050 г. по сравнению с текущим уровнем. По мнению либеральных экспертов, проект закона о регулировании выбросов углерода был лишен «нормативного» содержания и стал «законом о добровольной отчетности по выбросам» [3].

Принятая в июне 2020 г. «Энергетическая стратегия РФ на период до 2035 г.» [19] также свидетельствовала о приверженности Москвы принятому ею курсу, поскольку предусматривала существенное увеличение производства, сжигания и экспорта ископаемого топлива в России в течение следующих 15 лет [5]. Отраслевые цели также шли в русле этой стратегии. Так, план

развития электростанций, стратегия в области добычи нефти и газа, а также программы в сфере угольной и атомной энергетики – все они были направлены на увеличение роста производства и сжигания углеводородов.

Указ Президента от 4 ноября 2020 г. № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов» [20] в соответствии со взятыми Россией в Париже национальными обязательствами установил новый ориентир снижения выбросов к 2030 г. на 30% по сравнению с уровнем 1990 г. Это еще больше разочаровало западных экспертов, поскольку означало, что выбросы углерода в России могут фактически вырасти на 40% и все еще оставаться ниже целевого порога. В документе возобновляемые источники энергии по-прежнему играли незначительную роль в энергетическом будущем России и, исходя из Указа, должны были оставаться на уровне 2% в энергобалансе РФ к 2035 г. [3].

Таким образом, до 2021 г. Россия демонстрировала стабильную политику, направленную на сохранение той линии, которая была заложена В. Путиным еще в самом начале его президентства. Эта политика заключалась в том, что на фоне признания глобального потепления основной акцент делался не на сокращение имеющейся эмиссии CO₂, а на расширение использования гидро- и атомной энергетики, низкоуглеродного природного газа, таких естественных поглотителей, как бореальные леса и болота. Кроме того, подчеркивалась важность извлечения преимуществ из потепления за счет роста сельскохозяйственного производства, добычи арктических углеводородов, использования Северного морского пути.

На Западе эта российская климатическая политика критиковалась как «критически недостаточная», как «очень скромное усилие», «лишенное амбиций» и даже «лицемерная» [21, 22]. Высказывались подозрения, что новые правовые инициативы, связанные с регулированием выбросов углекислого газа, контролировались и тщательно смягчались российским лобби ископаемого топлива. Тем не менее признавалось, что на фоне политики Д. Трампа этот шаг все же выглядел «достаточно динамично», поскольку Российская Федерация соглашалась с фактом изменения климата, а в документах американской администрации об этом даже не говорилось [22, 23].

С приходом в Белый дом демократа Дж. Байдена совпала коррекция упомянутой российской стратегической линии. Возможно, это было связано с радикализацией новой администрацией американских походов к климатической повестке. Она стала настаивать на том, что парижские договоренности устарели, поскольку ситуация стремительно ухудшается, и надо предпринимать чрезвычайные меры для спасения человечества

от «экзистенциальной угрозы» глобального потепления. Эти меры, по мнению Вашингтона, должны заключаться в практически немедленном принятии решительных мер по сокращению углеродных выбросов.

Американские союзники из ЕС, видимо, воодушевленные уходом Трампа, отреагировали максимально стремительно. Они разработали законодательную базу для взимания таможенного тарифа на зарубежную продукцию с «углеродным следом». Западные эксперты предупредили Москву, что ее экономические потери от такой совместной политики США и Европы могут оказаться больше, чем в результате всех предыдущих санкций вместе взятых.

В такой ситуации отход России от своей прежней климатической политики стал вполне рациональной реакцией на указанные негативные последствия. В 2021 г. в ряде своих выступлений Президент В. Путин обозначил постепенный поворот в сторону большего внимания вопросу сокращения выбросов CO₂, в то время как проблема адаптации отошла на второй план. Новая политика российского лидера вызвала одобрение Дж. Байдена, который выразил надежду на «совместные усилия» в деле удаления углерода [24]. Правда, в начале ноября 2021 г. на саммите ООН по проблемам климата в Глазго (КС 26) американский президент сделал несколько раздраженных замечаний в адрес Президента В. Путина, однако это не помешало представителям Российской Федерации и США в ходе конференции договориться о сотрудничестве в наиболее важных климатических вопросах [25].

Таким образом, можно говорить о том, что российская климатическая политика всегда исходила из наличия проблемы глобального потепления. Более того, отечественные исследователи, в первую очередь М. И. Будыко, еще во времена СССР первыми поставили данную проблему перед человечеством. В 1980-е и 1990-е гг. советские и российские руководители полностью разделяли западные подходы, связанные с антропогенностью изменения климата и необходимостью снижения углеродных выбросов. Однако с начала XXI в. в политике Москвы стало преобладать смещение акцента с доминирования фактора антропогенности на необходимость адаптации к происходящим изменениям, а также более активного использования естественных поглотителей CO₂ и низкоуглеродной генерации энергии. Тем не менее, несмотря на разницу в подходах к проблеме борьбы с глобальным потеплением, десятилетия сотрудничества России и западных стран сформировали в этой сфере достаточно прочную диалоговую площадку, которая может активизировать свою работу в случае нарастания общих климатических угроз.

По крайней мере, Россия к этому готова. Президент Российской Федерации В. Путин считает,

что «сегодняшние события отодвинули на второй план экологические проблемы. Вопросы климатических изменений перестали быть в первых строчках повестки дня. Но эти фундаментальные вызовы никуда не исчезли, никуда не делись, они только нарастают» [26]. Поэтому «любое геополитическое, научно-техническое, идейное соперничество просто в таких условиях, иногда кажется, теряет смысл, если его победителям будет нечем дышать или нечем утолить жажду» [27].

Примечания

¹ Авторы данной статьи также внесли свой вклад в изучение проблемы. См.: Голуб Ю., Шенин С. Администрация Байдена и проблемы «зеленого транзита» // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66, № 2. С. 5–14; Голуб Ю., Шенин С. Климатическая политика администрации Байдена в отношении Китая: сторонники и оппоненты // *Международные процессы*. 2022. Т. 20, № 2 (69). С. 79–98.

Список литературы

1. Голуб Ю. Г., Шенин С. Ю. «Кадровый резерв» деэскалации: М. Рожански об американо-российских отношениях // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения*. 2021. Т. 21, № 4. С. 498–505. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-498-505>
2. Кто на самом деле открыл глобальное потепление? История Михаила Будыко // *Экосфера*. 2022. 10 марта. URL: <https://ecosphere.press/2022/03/10/kto-na-samom-dele-otkryl-globalnoe-poteplenie-istoriya-mihaila-budyko/> (дата обращения: 15.12.2022).
3. Safonov G. Back to the Future? Russia's Climate Policy Evolution // *CSIS*. 2021. March 1. URL: <https://www.csis.org/analysis/back-future-russias-climate-policy-evolution> (дата обращения: 15.12.2022).
4. Warrick J. Reagan, Bush 41 memos reveal sharp contrast with today's GOP on climate and the environment // *Washington Post*. 2015. December 3. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/energy-environment/wp/2015/12/03/reagan-bush-41-memos-reveal-how-republicans-used-to-think-about-climate-change-and-the-environment/> (дата обращения: 15.12.2022).
5. Что говорили руководители России об изменении климата // ТАСС. Досье. 2015. 17 нояб. URL: <https://tass.ru/info/2444358> (дата обращения: 15.12.2022).
6. Теперь умеют считать и в России // WWF. 2002. 25 марта. URL: <https://wwf.ru/resources/news/arkhiv/teper-umeut-schitat-i-v-rossii/> (дата обращения: 15.12.2022).
7. Минпромэнерго и РАН разошлись в рекомендациях Путину по Киотскому протоколу // ВШЭ. 2004. 18 мая. URL: <https://iq.hse.ru/news/177736823.html> (дата обращения: 15.12.2022).
8. Palmer B. The Putin Puzzle. 2015. December 3. URL: <https://www.nrdc.org/onearth/putin-puzzle> (дата обращения: 15.12.2022).

9. Shishlov I., Morel R., Bellassen V. Compliance of the Parties to the Kyoto Protocol in the first commitment period // *Climate Policy*. 2016. Vol. 16, iss. 6. P. 768–782.
10. The Federal Government. Breakthrough on climate protection. 2007. July 6. URL: https://www.g-8.de/Content/EN/Artikel/_g8-summit/2007-06-07-g8-klimaschutz_.en.html (дата обращения: 15.12.2022).
11. Утверждена Климатическая доктрина Российской Федерации. 17 декабря 2009 г. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/6365> (дата обращения: 15.12.2022).
12. Медведев подписал климатическую доктрину 17 декабря 2009. URL: <https://www.vesti.ru/article/2182822> (дата обращения: 15.12.2022).
13. Herzog K. Russia takes a skeptical approach to climate change thanks to Putin // *Grist*. 2015. October 30. URL: <https://grist.org/article/russia-takes-a-skeptical-approach-to-climate-change-thanks-to-putin/> (дата обращения: 15.12.2022).
14. Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2013 г. № 752 «О сокращении выбросов парниковых газов». URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/37646> (дата обращения: 15.12.2022).
15. Heyskanen E., Hilden M. Climate Policy of Russia and Perspectives of the International Agreement // *Russia in Global Affairs*. 2013. 29 July. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Klimaticheskaya-politika-Rossii-i-perspektivy-mezhdunarodnogo-soglasheniya-16086> (дата обращения: 15.12.2022).
16. A Change in Tone for Vladimir Putin's Climate Change Pledges // *The New York Times*. 2015. December 1. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/projects/cp/climate/2015-paris-climate-talks/vladimir-putin-climate-change-pledges-russia> (дата обращения: 15.12.2022).
17. Международный форум «Российская энергетическая неделя», 3 октября 2018 г. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/58701> (дата обращения: 15.12.2022).
18. Минэкономразвития России подготовило проект Стратегии долгосрочного развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года. 23 марта 2020. URL: https://economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rossii_podgotovilo_proekt_strategii_dolgosrochnogo_razvitiya_rossii_s_nizkim_urovнем_vybrosov_parnikovyh_gazov_do_2050_goda_.html (дата обращения: 15.12.2022).
19. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года. 9 июня 2020 г. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (дата обращения: 15.12.2022).
20. Указ Президента Российской Федерации от 4 ноября 2020 г. № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов». URL: <https://rg.ru/documents/2020/11/06/parnik-dok.html> (дата обращения: 15.12.2022).
21. Climate Action Tracker. Russian Federation. URL: <https://climateactiontracker.org/countries/russian-federation/> (дата обращения: 15.12.2022).
22. Hill I. Is Russia finally getting serious on climate change? // *Low Institute*. 2021. 1 November. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpretor/russia-finally-getting-serious-climate-change> (дата обращения: 15.12.2022).

23. *Kramer A.* In the Russian Arctic, the First Stirrings of a Very Cold War // *The New York Times*. 2021. May 22. URL: <https://www.nytimes.com/2021/05/22/world/russia-us-arctic-military.html> (дата обращения: 15.12.2022).

24. *Harve F.* Biden vows US will work with Russia on climate // *The Guardian*. 2021. April 24. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2021/apr/24/biden-vows-us-will-work-with-russia-on-climate> (дата обращения: 15.12.2022).

25. Россия и США договорились о сотрудничестве по климату после конференции ООН в Глазго // Федеральное агентство новостей. 2021. 13 нояб. URL: <https://riafan.ru/1553607-rossiya-i-ssha-dogovorilis-o-sotrudnichestve>

po-klimatu-posle-konferencii-oon-v-glazgo (дата обращения: 15.12.2022).

26. Выступление В. В. Путина на пленарной сессии XIX заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». 27 октября 2022 г. URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69695> (дата обращения: 15.12.2022).

27. Выступление В. В. Путина на пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». 21 октября 2021 г. URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/66975> (дата обращения: 15.12.2022).

Поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 18.01.2023; принята к публикации 20.01.2023
The article was submitted 10.01.2023; approved after reviewing 18.01.2023; accepted for publication 20.01.2023